хранен только рассказ о Поликарпе. Немецкий ученый К. Штелин,[102] рассматривая спорное место с помощью сопоставления разных редакций послания, высказывает мнение, что список послания, сохранившийся в «сборнике Курбского», следовало бы считать более близким к первоначальной редакции и, с другой стороны, что притча о Карпе представляет собой только постороннее, очевидно более позднее, добавление к первичному тексту. У Я. С. Лурье мнение прямо противоположно. С его точки зрения, «рассказ о Карпе и Поликарпе в К (т. е. по списку Археографической комиссии) при всей своей композиционной сложности, несомненно, ближе к первоначальному тексту Грозного, чем в „сборниках Курбского“».[103] Я. С. Лурье считает, что «литературно сглаженный рассказ о Поликарпе в „сборнике Курбского“ — плод редакторской работы: имея перед собой не удовлетворявший его по той или иной причине текст (может быть, такой, какой мы читаем сейчас в ХСУ),[104] редактор подверг его стилистической правке». Как видно, намечаются два различные толкования этого места в послании Грозного. Несомненно, вопрос может быть решен только в том случае, если мы обратимся к использованным первоисточникам, из которых был почерпнут или мог бы быть почерпнут тот или иной текст — притча о Карпе и Поликарпе. Вообще, как уже сказано,[105] притча о Карпе взята, вероятно, посредством старого русского перевода из послания к Димофилу, которое приписывают Дионисию Ареопагиту. Это послание, по-видимому, особенно нравилось русскому государю, потому что и в другом месте своего послания Андрею Курбскому он использовал из него довольно значительные отрывки.[106] Однако совершенно новый элемент выступает из краткой редакции послания Ивана Грозного, когда там специально говорится по поводу спорной цитаты: «В послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измиръскаго видение. . .» [107] После того как составитель или переписчик краткой редакции поставил в начале имя Поликарпа, он вводит его и в самый текст, замещая им имя Карпа. Напротив, в списке Археографической комиссии читаем, что этот текст был открыт в «Послании божественнаго (Дионисия, — *И. Д.*) о Поликарпе епископе».[108] Нужно сразу отметить: в противоположность мнению о том, что здесь речь идет об архимандрите Поликарпе из Печерской лавры, в данном отрывке, в сущности, упомянут известный епископ малоазийского города Смирны Поликарп, умерший в 156 г. как христианский мученик.[109]

В связи с жизнью и деятельностью мученика Поликарпа Смирненского в патристической литературе сохранились несколько чрезвычайно важных текстов, а именно: одно житие, один рассказ о его мученичестве и одно послание, отправленное жителям македонского города Филипии.[110] Ни в одном из сохранившихся текстов, связанных с епископом Поликарпом

---

[102] K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij, стр. 95, n. b.

[103] Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 552.

[104] Т. е. Хронограф: F. IV. 165, о Степенной книге и Уваровском списке; см. у Я. С. Лурье (Комментарий, стр. 546).

[105] Я. С. Лурье. Комментарий, стр. 608

[106] Послания, стр. 63 и сл., 110 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Археографический обзор, стр. 531. Текст взят из перевода ВМЧ (октябрь, 1—3. СПб., 1870, ст. 759); ср. также стр. 552, 553.

[107] Послания, стр. 133.

[108] Послания, стр. 57.

[109] О нем см.: B. Altaner. Patrologia. Torino (1952), стр. 67—69; H. Delehaye. Les origines du culte des martyres. Bruxelles, 1933, стр. 35, 40, 42, 43, 145, 152, 267 и др.

[110] F. K. Funk. Patres apostolici, I. Tubingae, 1901, стр. 296—313, ср. стр. LXXXVIII—XCIX; 314—345, XCIX—CVI (Martyrium Polycarpi); II (1901),